

Перед глазами «души моей» встают величественные видения: вот безукоризненно строгое и элегантное фойе Художественного театра. ...Репетиция еще не началась, но актеры уже собрались, ждут Константина Сергеевича и Владимира Ивановича. А кто ждет? — Лилина. Книппер. Савицкая. Бутова. Качалов. Москвин. Леонидов. Грибунин. Лужский. Вишневецкий.

После каждого из этих имен надо поставить точку, а потом долго, долго молчать, чтоб встал образ каждого из них во всей ясности своего значения, во всей неподвластной власти своего обаяния!

В годы 1911—1912 формировались творческие основы будущей «системы». Весь театр был в движении. Каждая репетиция поэтом была шагом вперед.

Вперед и ввысь Художественный театр вели два человека. Два совершенно разных, но слившихся в одно.

...Станиславский и Немирович-Данченко — дерзновенные изобретатели в искусстве, не жрецы искусства, но творцы его, не исполнители чужих заповедей, правил, привычек, а мыслители-революционеры, ломающие в искусстве и быте театра все отжившее, все старчески-окостеневшее. Оба они были воинами. Оба были в строю. Потому даже семидесятилетний Станиславский не был стар для молодого советского театра. И восьмидесятилетний Немирович-Данченко до конца дней оставался командиром в нашем искусстве. Много чувства, много страсти к театру таилось в этом внешне и внутренне сдержанном человеке!

Когда Владимир Иванович вел репетицию и маленькая настольная лампа вырывала из тьмы зрительного зала неколебимые его плечи, а над ними его красивую голову мудреца, — тогда он казался высоким, сильным; атлетом воли и мысли.

Великих режиссеров ждали на репетицию с трепетом, рождавшимся от надежды, что вот сейчас придет те, которые не только щедро оделят тебя из неисчерпаемой сокровищницы ума и сердца, но приведут в действие, вызовут к жизни твои лучшие силы.

Московский Художественный театр блился за свет, за разум, за справедливость, за истинное творчество.

Мы, молодые сотрудники МХАТ, участвовали большей частью в народных сценах. Народные сцены — это первые ступени высокой лестницы, первые, но не низкие. Подлинным творцом народных сцен был Василий Васильевич Лужский, блестящий характерный актер, беззаветно преданный сцене. Огромный труд вносил Василий Васильевич в сотворение массовых сцен, — увлечение, изобразительность, настоящий талант. Величайшей честью и творческой радостью для молодежи было состоять сотрудниками Художественного театра. В народных сценах мы играли увлеченно, с подъемом, с трепетом.

Произносить длинные и эффектные мо-

нологи нам, конечно, не доводилось, но для участия и в народных сценах спектаклей Художественного театра требовалось развить в себе внутренний слух, такт, ритмичность, фантазию, выразительность. Пребывание на сцене без слов не могло быть «пустым». Актер должен звучать в толпе, как точная и необходимая нота в партитуре, а ведь так легко сфальшивить, если в народных сценах только «шуметь» по указке режиссера. Если смех — только технический прием, если рыдания переданы дрожью плеч, если платки прикладываются к сухим глазам, если сочувствие героине или герою пьесы выражается гримасой лицевых мускулов, то это — не искусство. Недопустимо быть на сцене хоть мгновение вне образа.

Для каждого из нас, участников народных сцен, Василий Васильевич Лужский сочинял биографии, интересные биографии.

...Годы моей актерской юности и юности моих сверстников прекрасны тем, что, участвуя в народных сценах, мы близко видели блистательных актеров Художественного театра. Стоя с ними на одних подмостках и наблюдая их игру, мы проходили наши актерские университеты. Например, в последней картине «Живого трупа» появлялся Абрезков—Станиславский: высокий, элегантный, с седыми усами, весь в черном. Абрезков у Станиславского был совершенно таким, каким представлялся Толстому в его поэтическом видении, только еще при этом — несомненно существующий. Вслед за ним проходили под руку «подсудимые»: Каренин—Качалов, внешне подтянутый, петербургский барин, весь собраный внутренне, весь захваченный свершающейся над ним катастрофой, и Лиза — Германова — женщина с глазами и бровями, такими прекрасными, что они не стираются в памяти... Эти три человека, созданные трудом и вдохновением великого писателя и трех замечательных актеров, делали несколько шагов по коридору, и совершалось чудо театра: сцена становилась коридором суда, а одно это их прохождение по коридору столько говорило о том страшном мире, в котором естественные предрассудки делали жизнь даже верных своих сторонников невыносимой! Абрезков, Каренин проходили по коридору надменно, стройно. Ведь они с детства приучены держаться так: прямо — спина и высоко — голова. Да, они пручились, вытравленные гувернерами, не показывать своих чувств.

***
Великое счастье — видеть и слышать Станиславского. Легенда для тех, кто только читал или слышал рассказы о нем, Станиславский — быть, изумительная быть для знавших его лично, для тех, кто видел его, слышал, кому удалось работать вблизи него — вдохновенного художника.

Величаво простой и прекрасно человеческий, он был, он жил среди нас.

Сердце и разум Станиславского неисчерпаемы, вот почему у его жизни есть венец, но нет ей конца.

Он живет и будет жить в живых.

Повышенно самокритичный Станиславский не замечал, что пламень его вдохновения зажигает даже самые холодные сердца, что, величайший труженик, он радикально меняет тех, кто прикоснулся к нему.

Отцовски нежный, он становился беспощадным к нарушителям законов творческой природы и этики человека, гражданина и артиста.

«Раз-что вы — актер», начинал он свое слово к провинившемуся, то-есть: «если вы — актер, то выполняйте присягу актера:

Служи народу.

Отдай жизнь искусству.

Люби искусство в себе, а не себя в искусстве».

Станиславский был против актеров, жаждавших жизненных лакомств, против богемы, лени, равнодушия, личного эгоизма. Трудись, повторял он всегда, и не только словами, но и делом и примером подтверждал свой завет.

Трудись и не смей устывать. Не смей хныкать, не тяни руку за скидкой тебе.

Не испрашивай себе индульгенций, не говори, что сегодня тебя надо простить, потому что ты еще слишком молод, ведь завтра ты скажешь, что ты уже слишком стар.

Вот смысл заповедей Станиславского. Основной же завет его — это призыв к труду: упорному, честному, самоотверженному.

Только исполнивший этот завет Станиславского получает право сказать: Станиславский — мой учитель.

Актер, по определению Станиславского, должен быть трудолюбивым, внимательным к миру, к природе, к людям, к себе, должен быть веселым и бесстрашным, тогда в актере живо будет «чувство нового».

Таким был он сам.

Таким он жил в своем настоящем и проследует в будущее вместе с грядущими поколениями. Он всегда с юностью.

Станиславский — партизан самого живого, самого сильного, искреннего направления в искусстве — реализма. Станиславский — реалист. Он сказал однажды: «Я был верен творческой природе и я победил». Я слышала, как он сказал эту фразу, я глядела тогда на него, не отрываясь. Он не улыбался, когда произносил ее, но лицо его сияло, как сияет лицо героя-победителя.

Зову всех, кто любит Станиславского, кто благодарен ему, присоединиться к завершающим строчкам письма Горького, посланного Константину Сергеевичу к его 70-летию:

«Почтительно кланяюсь Вам, красавец человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов».

Литерат. иск-ва 23 окт 1948.